

Книги
ЭНТОНИ ТРОЛЛОПА,
опубликованные
Издательством АЗБУКА

ВОТ ТАК
МЫ ТЕПЕРЬ
ЖИВЕМ

Барсетширские хроники

СМОТРИТЕЛЬ
БАРЧЕСТЕРСКИЕ
БАШНИ

ДОКТОР ТОРН
ФРАМЛЕЙСКИЙ
ПРИХОД

ОЛЛИНГТОНСКИЙ
МАЛЫЙ ДОМ

Энтони Троллоп

БАРСЕТШИРСКИЕ ХРОНИКИ
ОЛЛИНГТОНСКИЙ
МАЛЫЙ ДОМ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Т 71

Anthony Trollope
THE SMALL HOUSE AT ALLINGTON

Перевод с английского Екатерины Доброхотовой-Майковой

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Иллюстрации Джона Эверетта Милле

В оформлении обложки использованы фрагменты картин

Йозефа Лаврентия Дикманса «Любит — не любит»
и Джорджа Гудвина Килбёрна «Наблюдая за охотой»

Троллоп Э.

Т 71 Барсетширские хроники : Оллингтонский Малый дом : роман / Энтони Троллоп ; пер. с англ. Е. Доброхотовой-Майковой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 672 с. : ил. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-28658-0

Энтони Троллоп — британский классик, современная популярность которого в англоязычном мире может сравниться разве что со славой Джейн Остин («Троллоп убивает меня своим мастерством», — писал в своем дневнике Лев Толстой), а «Барсетширские хроники» заслуженно считаются едва ли не главным его достижением.

«Оллингтонский Малый дом» — пятая книга «Хроник». Здесь две героини, дочери бедной вдовы, — одна разумная, другая чувствительная. Немного похоже на роман Джейн Остин? Что ж, сходство не случайно. А вот героя, по собственному признанию автора, в книге нет, вернее, эта роль распределена между несколькими молодыми людьми, в большей или меньшей степени героическими. В одном из них, нескладном мечтательном юнце Джонни Имсе, Троллоп вывел себя тех времен, когда работал мелким клерком на государственной службе и все держали его за полного идиота. Оллингтон довольно далеко отстоит от Барчестера, и герои других «Хроник» встречаются в романе нечасто, однако нескольких знакомых персонажей читатель увидит. Кроме того, тут впервые появится Плантагенет Палисер — герой другого знаменитого троллоповского цикла.

Роман печатается с полным комплектом классических иллюстраций знаменитого художника-прерафаэлиты Джона Эверетта Милле, сопровождавших первое издание «Оллингтонского Малого дома» в журнале *Cornhill Magazine*.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

© Е. М. Доброхотова-Майкова, перевод, примечания, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-28658-0

ГЛАВА I

Оллингтонский сквайр

Разумеется, в Оллингтоне был Большой дом. Иначе откуда бы взялся Малому? Рассказ наш, как можно заключить из названия, теснее связан с обитателями более смиренного жилища, однако для начала читателю стоит немного узнать о Большом доме и его владельце, с которым мы тоже будем встречаться довольно часто.

Оллингтонские сквайры были сквайрами Оллингтона, сколько в Англии существуют сквайры в нынешнем значении слова. Фамильный скипетр Дейлов переходил от отца к сыну, от дяди к племяннику и раз от одного троюродного брата к другому; акры росли в цене и не убывали в числе, хотя их не оберегал майорат и нельзя сказать, что о них пеклись как-то особенно мудро и рачительно. Уже много столетий Дейлы владели всеми землями Оллингтонского прихода, и хотя, как я уже сказал, здешний помещичий род не отличался сверхъестественным благоразумием и, возможно, не руководствовался очень уж строгими жизненными принципами, священного закона он держался так нерушимо, что ни один акр собственности не ушел из рук правящего сквайра. Изредка делались бесплодные попытки расширить поместье; в частности, их предпринимал Кит Дейл, отец Кристофера Дейла, нынешнего

сквайра, с которым мы познакомим читателя, когда будем представлять действующих лиц. Старый Кит Дейл, взявший жену с большим состоянием, скупал прилегающие фермы — немного земли здесь, немного там, — говоря при этом о политическом влиянии и консервативных устоях. Однако эти фермы ушли к другим владельцам еще до наших дней. На них священный закон не распространялся. Когда старому Киту понадобились деньги для покупки майорского патента в Девятнадцатом драгунском — в этом модном полку его второй сын делал армейскую карьеру, — он решил, что проще пожертвовать частью ферм, чем урезать расходы, ведь продавать он будет свои приобретения, а не наследие Дейлов. С его смертью та же участь постигла и оставшиеся фермы. Требовалось завершить семейные дела, и Кристоферу Дейлу нужны были наличные. Прилегающие фермы ушли, однако старое наследие Дейлов, как всегда, осталось неприкосновенным.

Для оллингтонских сквайров сохранение земельного наследия было религией, и, учитывая, что священный огонь на их алтаре не гас никогда, я напрасно обвинил Дейлов в отсутствии высоких принципов. Новый наследник вступал в права безо всяких обременений, кроме тех, что уже создал себе сам. И притом майората не было. Мысль о майорате не отвечала складу дейловского ума. Их религия требовала, чтобы каждый сквайр имел право расточить оллингтонские акры — и не расточал. Помню, я раз обедал в доме, чье благоденствие и величие зависели от сохранности стеклянного кубка. Мы все знаем эту историю. Если «Удача Эденхолла» разобьется, семье придет конец. И тем не менее мне велели выпить из рокового кубка, как и всем гостям в доме. Рыцарственный хозяин не желал хранить свою удачу под замком, в шкатулке с мягкой обивкой. Так было и с оллингтонскими Дейлами. Для них майорат был бы замком и шкатулкой с мягкой обивкой, но старая рыцарственность требовала не прибегать к такой защите.

Я довольно пренебрежительно отозвался о приобретениях и деяниях семейства Дейл. Они и впрямь не отличились ни в том ни в другом. В Оллингтоне сквайр всегда был царь и бог. В Гестуике, ближайшем ярмарочном городке, он был большой

человек. По воскресеньям его часто видели на рыночной площади, где он раздавал указания насчет овса и волов людям, знавшим про овес и волов больше него. В Хамершеме, городе, где проходили сессии выездного суда, его в целом уважали как постоянного члена большой коллегии присяжных и человека, который всегда платит по счетам. Однако уже к Хамершему слава Дейлов меркла, ибо они редко бывали заметны, а на заседаниях коллегии не блистали юридическими познаниями. Дальше Хамершема их известность не распространялась.

Они были в целом скроены по одному образцу, каждый наследовал от отца одни и те же пороки и добродетели, каждый жил бы в точности как отец до него, если бы новые порядки не тянули каждого следующего Дейла незримым магнетизмом, так что тот, оставаясь старомодным, все же продвигался чуть дальше родителя. Они были самоуверенны, упрямы, справедливы в меру собственных понятий о справедливости, суровы к арендаторам — но даже сами арендаторы не считали их суровыми, ибо в Оллингтоне одни и те же правила действовали спокон веков, — с женами и детьми властны, но без самодурства, так что ни одна миссис Дейл не сбежала от своего господина и повелителя, а между отцами и сыновьями не случалось громких скандалов, требовательны в денежных вопросах, ибо считали, что получать должны много, а давать мало, но отнюдь не скаредны, ибо всегда платили по счетам и жертвовали на церковную и местную благотворительность. Все они были ревностными сторонниками церкви и любезно принимали викариев, присланных из кембриджского Кингс-колледжа, которому принадлежало право назначать священника в Оллингтонский приход, и тем не менее Дейлы всегда вели против своего пастора необъявленную войну, так что отношения между светским семейством и духовным редко бывали дружескими.

Таковы были оллингтонские Дейлы со времен незапамятных, и таким же до последней мелочи был бы нынешний Кристофер Дейл, если бы не два горестных происшествия в его молодости. Первое заключалось в том, что он влюбился в даму, которая упорно ему отказывала, из-за чего остался холостяком. Причиной второго стало предполагаемое состояние его отца.

Вступая в наследство, он считал себя богаче прежних оллингтонских Дейлов и потому задумал пройти в парламент. Чтобы добиться этой чести, он позволил людям из Хамершема и Гестуика увлечь его в сторону от семейной традиции и объявил себя либералом. До участия в выборах дело так и не дошло, однако он выдвигался как либеральный политик и потерпел неудачу, и хотя все вокруг прекрасно знали, что в душе Кристофер Дейл такой же консерватор, как его пращур, политика осталась для него большой темой, а сама история привела к некоторому отчуждению между ним и другими сквайрами по соседству.

В прочих отношениях наш Кристофер Дейл был не хуже и даже лучше среднего предшественника. Тех, кто был ему дорог, он любил всем сердцем. Людей, ему ненавистных, не преследовал сверх того, что допускала справедливость. Прижми-стый в мелочах, он, как мы увидим, мог в помощи родным явить незаурядную щедрость. Он старался исполнять свой долг, как его понимал, и сумел избавиться от расточительных привычек, которые завел в молодую пору завышенных надежд. И в своем неразделенном чувстве он был постоянен от начала и до конца. Кристофер Дейл полюбил, как могут иногда любить холодные, черствые, не очень приятные люди, а когда наконец осознал, что не добьется взаимности, не сумел найти в сердце места для другой. Это случилось вскоре после смерти его отца, и он решил утешиться политикой — итог нам известен. Честным, верным и неизменным, отнюдь не лишенным искренности был наш Кристофер Дейл — ограниченным и недалеким, неспособным даже понять, что такое подлинная глубина натуры, исключительно близоруким ко всему, что выше него, но все же достойным уважения за то, что он избрал путь долга и твердо ему следовал. И более того, наш мистер Кристофер Дейл был джентльменом.

Таким внутренним складом отличался оллингтонский сквайр, единственный постоянный обитатель Большого дома. Внешности он был невыразительной, сухопарый, с короткими седыми волосами и густыми седыми бровями, бороду брил, оставляя лишь совсем короткие бакенбарды, нос имел прямой, правильной формы, и подбородок тоже, глаза — цепкие и живые. Однако благо-

родство лица губили тонкие поджатые губы, а лоб, высокий и узкий, хоть и не позволял принять мистера Дейла за тупицу, не давал принять его и за человека богато одаренного. Росту в нем было пять футов десять дюймов; годы его пощадили, так что в свои шестьдесят пять он сохранился очень хорошо. Таков был Кристофер Дейл, эсквайр, владелец оллингтонских акров и обладатель трех тысяч годового дохода, который получал исключительно с земли.

Теперь я расскажу про Большой оллингтонский дом. На самом деле он не так уж велик и не окружен величественным парком из тех, что украшают жилища многих наших старых землевладельцев. Однако сам дом очень красив. Его выстроили при первом Стюарте в стиле, который мы называем тюдоровским. Фасад венчают три острых фронтона, которые, если не ошибаюсь, называются щипцами; между каждыми двумя щипцами вздымается по тонкой и высокой печной трубе. Думаю, красотою дом во многом обязан этим трубам, да еще тесно расположенным двухчастным окнам. Парадный вход под выступающим козырьком заметно смещен относительно середины фасада; когда вы входите, по правую руку от вас одно окно, а по левую — три. Выше тянется ряд из пяти окон — одно расположено над входом. Все мы знаем прекрасные тюдоровские окна с их толстыми каменными средниками и каменными же перекладинами ближе к верхней части. Из всех когда-либо придуманных окон они — самые восхитительные. А в Оллингтоне, думаю, их прелесть еще усиливается неодинаковостью формы. Окно справа от двери и еще одно окно на противоположном краю фасада — широкие, остальные же сделаны безо всякой оглядки на единообразие — здесь широкое окно, здесь высокое, — и в целом получилось как нельзя лучше. Окошки в щипцах — по одному в каждом — поменьше, но тоже со средником, так что весь фасад сохраняет общий стиль.

Дом окружен подстриженным садом, не очень большим, но примечательным своей чрезвычайной аккуратностью, с широкими гравийными дорожками; одна из них, идущая вдоль фасада, заслуживает названия террасы. Впрочем, фасад отстоит от нее достаточно далеко, так что к парадному входу может

подъехать карета. Оллингтонские Дейлы всегда были садоводами, так что сад, возможно, славился больше всех их прочих владений. Однако этим претензии на великолепие и ограничиваются. Пастбища вокруг дома — просто милые лужайки, перемежаемые лесом. В Оллингтоне нет парка с оленями; Оллингтонский лес, хоть и знаменит на всю округу, не составляет с домом единого целого. Он лежит в стороне, в целой миле за домом, что, впрочем, не уменьшает его ценности как места для сохранения лис.

Если бы оллингтонские сквайры когда-нибудь задумывались о сельской роскоши, они нашли бы, что дом стоит слишком близко к дороге. Впрочем, со времени строительства древних усадеб наши представления о сельской роскоши, полагаю, значительно изменились. В те давние времена джентльмен возводил свой дом поближе к деревне, беря ее таким образом под свою защиту и покровительство, а также, возможно, заботясь о радостях соседского общения для себя и родных. Сейчас достойным признается лишь одиночество посреди обширного парка. Ни одно крестьянское жилище не должно оскорблять взгляд, разве что это декоративный домик садовника. Деревню, если от нее нельзя избавиться совсем, должны скрывать деревья. Звук церковных колоколов нежелателен, а дорога, по которой свободно разъезжает грубое простонародье, пусть располагается в отдалении. Когда какой-то оллингтонский Дейл строил себе дом, он думал иначе. Вот церковь, вот деревня — и он, довольный таким соседством, обосновался поближе к своему Богу и своим арендаторам.

По пути из Гестуика в деревню вы увидите церковь по левую руку; дом с дороги не разглядеть, но, если пройти в церковную калитку, до которой от дороги не больше двухсот ярдов, вам откроется фасад Большого дома. Лучший вид, наверное, с кладбища. От церкви идет аллея к воротам в имение мистера Дейла. Сторожки здесь нет, и ворота обычно стоят нараспашку. Собственно, они отворены почти всегда, если их не закрывают из-за пасущегося рядом скота. Есть и другие ворота, с выгона в сад перед домом, и еще одни ярдах в тридцати дальше, через которые можно попасть на ферму. Возможно, недостаток Оллингто-

на — что ферма расположена очень близко к дому. Однако конюшни, сenniки, грязные телеги и медлительный домашний скот скрывает ряд каштанов, и в первые майские дни, когда они в полном цвету, никакие деревья Англии не затмят их красотой. Если бы оллингтонскому Дейлу — нынешнему или любому из прежних — сказали, что его дому недостает леса, он бы с возмущенной гордостью указал на каштаны.

О церкви я расскажу как можно короче. Она из тех, каких в Англии, наверное, тысячи, и все их очень трудно поддерживать в порядке — низкая, невместительная, часто сыровая, но притом странно живописная и архитектурно гармоничная. Она построена в форме сильно сжатого с боков креста, с отделенной алтарной частью, приземистой башенкой и крытым свинцом колоколообразным шпилем несуразных пропорций. Кто не знает низкую паперть, вертикальное готическое окно и благородную серую колокольню таких церквей? Внутри было пыльно, тесно заставлено уродливыми скамьями с высокими спинками; хоры в конце, где сидели дети и двое престарелых музыкантов дули в свои фаготы, покосились и выглядели так, будто вот-вот рухнут. Кафедра едва не упиралась в потолок, а когда священник стоял за пюпитром для чтения, свисающая бахрома постоянно лезла ему в лицо. Чтец располагался под ним на небольшом возвышении, и в целом все было устроено не лучшим, на мой взгляд, образом. Тем не менее здание выглядело церковью, чего я не сказал бы о многих сооружениях, возведенных во славу Божью на моем веку. Оно выглядело церковью в том числе и потому, что между скамьями посетитель шел по бронзовым табличкам, отмечающим места упокоения усопших Дейлов.

Между церковью и деревней стоял дом vicария, а его сад тянулся от кладбища до деревенских задворков. Дом этот, заново выстроенный тридцать лет назад, большой и удобный, делал честь богатому колледжу, отправлявшему в Оллингтон своих питомцев. Несомненно, мы за время пребывания в Оллингтоне будем время от времени заглядывать в жилище священника, но я не вижу нужды расписывать его подробно.

За аллеей к дому священника, церкви и усадьбе дорога ныряет к протекающей через деревню речушке. На спуске вы видите

справа гостиницу «Красный лев» и больше ни одного заметного здания. Ниже, у речушки, стоит почта, которую держит, разумеется, самая сварливая старуха в округе. Дорога пересекает речку по узкому пешеходному мостику, но прежде, чем по нему пройти, вы увидите поперечную улочку, уходящую влево, в ту же сторону, куда вела аллея к дому. Здесь, где поперечная улочка взбирается на холм, стоят лучшие дома в деревне. На ней живут булочник и очень уважаемая женщина, миссис Фруммадж, торгующая лентами, игрушками, мылом, соломенными шляпками и еще множеством всякой всячины. Тут же вы найдете аптекаря, которого уважение этого и соседнего приходов возвело в докторское достоинство. Дальше в самом маленьком, но самом очаровательном домике, какой можно вообразить, живет миссис Хирн, вдова прежнего vicar, и, увы, надо признать, что отношения со сквайром у нее совсем не такие добрососедские, как следовало бы. За скромной обителью вдовы Оллингтон-стрит, как называется дорога на этом отрезке, резко сворачивает к церкви, а на повороте стоит миленькая железная ограда с воротцами. Из них крытый переход ведет к парадной двери расположенного дальше дома. Здесь, в конце главы, я скажу лишь, что это оллингтонский Малый дом. Тут, как я уже упомянул, Оллингтон-стрит поворачивает к церкви и заканчивается белыми воротами на кладбище.

О Большом оллингтонском доме, сквайре и деревне я рассказал все, что следовало. О Малом доме поговорю отдельно в следующей главе.

ГЛАВА II

Две жемчужины Оллингтона

— Мистер Кросби — обыкновенный клерк.

Такое ехидное замечание отпустила мисс Лилиан Дейл в разговоре со своей сестрой Изабеллой, и касалось оно джентльмена, с которым на этих страницах мы будем встречаться часто. Я не говорю, что мистер Кросби будет нашим героем, учитывая, что эта роль в драме распределена между несколькими участниками. Какие ни на есть героические свойства будут в значительной степени разбавлены и в очень скромных количествах поделены между двумя-тремя или даже четырьмя молодыми людьми, ни одному из которых не достанется привилегия совершить особые подвиги.

— Не знаю, что для тебя «обыкновенный клерк», Лили. Мистер Фанфарон — обыкновенный барристер, а мистер Бойс — обыкновенный священник.

Мистер Бойс был оллингтонским викарием, а мистер Фанфарон, юрист, приезжал в Оллингтон во время последней судебной сессии.

— Ты с тем же успехом можешь сказать, что лорд Де Гест — обыкновенный граф, — продолжала Белл.

— Так и есть — он обыкновенный граф. Делай он что-нибудь, помимо откармливания бычков, я бы так о нем не говорила. Ты хочешь знать, что такое «обыкновенный клерк»? Это значит, что он мелкий государственный служащий, и тем не менее мистер Кросби задается.

— По-моему, мистер Кросби совсем не то же, что Джон Имс, — сказала Белл. Судя по тону, она не склонна была преуменьшать значение мистера Кросби.

Джон Имс, молодой человек из Гестуика, два года назад получил место в ведомстве подоходного налога с жалованьем восемьдесят фунтов в год.

— То есть Джонни Имс обыкновенный клерк, а мистер Кросби... в конце концов, Белл, кто такой мистер Кросби, если не обыкновенный клерк? Да, он старше Джона Имса, дольше служит и, наверное, получает больше восьмидесяти фунтов в год.

— Мистер Кросби не посвящал меня в такие тонкости. Я знаю, что он в генеральном комитете и, насколько я понимаю, чуть ли не всем там командует. Бернард говорил, у него шесть или семь молодых людей в подчинении... но, разумеется, я не знаю, что он делает на службе.

— Я тебе скажу, Белл, кто такой мистер Кросби. Он — светский лев.

И Лилиан Дейл не ошиблась. Мистер Кросби был светским львом.

Тут мне, наверное, следует объяснить, кто такой Бернард и кто такой мистер Кросби. Капитан Бернард Дейл, офицер Инженерного корпуса, приходился девушкам двоюродным братом, а сквайру — племянником и наследником. Его отец, полковник Дейл, и мать, леди Фанни Дейл, по-прежнему жили в Торки — праздная, болезненная чета, практически умершая для всего мира, за исключением карточных столов Торки. Полковник был тот самый, что сделал себе имя в Девятнадцатом драгунском полку. Этого он достиг, бежав с нищей дочерью обедневшего графа, лорда Де Геста. Других поводов отличиться ему не выпало, и он мало-помалу терял уважение света, завоеванное побегом с леди Фанни; теперь, в пору очков и домашних туфель, они с леди Фанни были известны лишь завсегдашним торкийским карточным столам. Его старший брат был по-прежнему крепок, совершал променады в башмаках на толстой подошве и часто ездил в седле, однако полковник, которого не связывало с жизнью ничего, кроме титула жены, до срока впал в некое подобие лентаргии. Бернард Дейл был единственным сыном полковника и леди Фанни. Из их дочерей некоторые умерли, некоторые вышли замуж, а одна по-прежнему жила с ними меж карточных столов. Бернард в последнее время виделся с родителями не ча-

ще, чем требовали сыновний долг и пятая заповедь. Он тоже делал себя имя, получив офицерский чин в инженерных войсках, где все знали его как графского племянника и человека, которому завещано имение, дающее три тысячи годовых. Говоря, что Бернард Дейл этим пользовался, я вовсе его не осуждаю. Быть наследником хорошего имения — преимущество столь явное (далеко не только в финансовом смысле), что никто от него не отказывается и не ждет такого от других. Деньги в кармане или в будущем придают осанке и голосу уверенность, очень помогающую в жизни — если человек пользуется ими, но не злоупотребляет. И Бернард Дейл нечасто упоминал своего дядю-графа. Он сознавал это родство и знал, что другим оно известно. Без этого его не приняли бы в «Бофорт» или в самый аристократический из маленьких клубов, «Себрайтс». Когда речь заходила о благородной крови, он умел, не хвастаясь предками, говорить как тот, чье высокое рождение всем известно. Так он использовал свое преимущество, не злоупотребляя им. В избранной сфере жизни Бернард Дейл был столь же удачлив. Усердием, умом — не великим, но цепким — он с некоторой помощью покровителей успешно продвигался по службе и достиг того, что о нем заговорили как о даровитом малом. Среди научных экспериментаторов его считали человеком, который сам пушку или противопушечную броню не изобретет, но разбирается в пушках и честно испытает ту или иную броню, а если и не честно (ибо такого рода люди редко за что-нибудь берутся без предвзятого мнения), то по крайней мере так, что испытания будут выглядеть честными и всех удовлетворят. Таким образом, капитан Дейл служил по большей части на родине, в Лондоне; его не отправляли строить казармы в Новой Шотландии или прокладывать дороги в Пенджабе.

Он был щуплый, ростом пониже дяди, но очень похож на него лицом. У него были те же глаза, нос, подбородок, тот же рот. Зато лоб ему достался получше — не такой высокий и узкий, более выпуклый над бровями. И к тому же он носил усы, что немного прятало тонкость губ. В целом наружность его была скорее привлекательная, и держался он с той уверенностью, которая сама по себе украшает молодого человека.

Сейчас, в чудесные летние дни (еще не миновал июль), Бернард гостил у дяди. С ним приехал ближайший друг, Адольфус Кросби, которого мои читатели могут считать или не считать обыкновенным клерком. Я склонен думать, что Адольфус Кросби не был обыкновенным клерком, и вряд ли кто-нибудь его бы так назвал, даже Лили Дейл, если б не его замашки светского льва. Человек, который становится светским львом в такой мере, чтобы это заметила Лили Дейл, неизбежно перестает быть обыкновенным клерком. Более того, капитан Дейл не стал бы Дамоном Пифию, о котором легко сказать, что тот обыкновенный клерк. Да обыкновенного клерка и не приняли бы в «Бофорт» и «Себрайтс». Доводы против первой оценки Лили Дейл очень сильны, но так же сильны доводы в пользу второй ее оценки. Мистер Кросби, безусловно, был светским львом. Да, он действительно служил клерком в генеральном комитете. Однако генеральный комитет помещается в Уайтхолле, в то время как бедный Джон Имс каждый день вынужден был тащиться из квартиры на Бертон-Кресент далеко за Рассел-сквер, в Сомерсет-хауз, где располагалась его убогая канцелярия. И Адольфус Кросби в ранней молодости успел побывать личным секретарем, а затем быстро дорос до нынешней квазизначительной должности, которая давала ему семьсот фунтов в год и статус наравне со вторыми секретарями и другими подобными служащими, что даже с официальной точки зрения было немаловажно. Однако триумфы Адольфуса Кросби заключались в ином. Не потому, что он близок со вторыми секретарями и располагает в Уайтхолле собственным кабинетом с креслом, позволялось ему стоять у камина в «Себрайтсе» и рассуждать в присутствии богатых людей — богатых и титулованных! Адольфус Кросби не просто тщательно составлял бумаги в генеральном комитете. Он приступил к вратам модного света и взял их штурмом, или, правильнее сказать, вскрыл замок и вошел. Он сумел стать в Лондоне заметным человеком. Обитатель Вест-Энда, не знающий, кто такой Адольфус Кросби, не знал вообще ничего. Не могу утверждать, что он был на дружеской ноге со многими великими людьми, но даже великие люди не чурались Адольфуса Кросби, и его видели в гостиных или по крайней мере на лестницах кабинетных министров.

Лилиан Дейл, милая Лили Дейл — ибо я надеюсь, что читатель очень ее полюбит, и предупреждаю, что без этого моя история несколько его не тронет, — Лилиан Дейл распознала в мистере Кросби светского льва. Однако я должен сказать, что мистер Кросби не имел обыкновения держаться надменно и что светский успех не совсем уж его испортил. Нельзя ожидать, что человек, обласканный «Себрайтсом», будет вести себя в оллингтонской гостиной как Джонни Имс, никем, кроме родной матери, не обласканный. И у этого нашего отчасти-героя имелись собственные достоинства помимо светского лоска. Он был высокий, привлекательный, с красивыми глазами и выразительным ртом — из тех, кто обращает на себя внимание везде, где появляется. К тому же Адольфус Кросби умел говорить, и ему было что сказать. Он не был порхающим мотыльком, красивым лишь в лучах модного света. И Кросби имел собственное мнение о политике, о религии, о филантропических тенденциях эпохи, и, составляя это мнение, он кое-что почитывал. Возможно, он бы лучше преуспел в жизни, если бы его не определили так рано на службу в Уайтхолл. Быть может, его дарованиям лучше отвечала бы свободная профессия.

Однако к тому времени судьба Адольфуса Кросби в том, что касается добывания насущного хлеба, была решена, и он смирился с неизбежностью. Ему досталось очень небольшое наследство, что-то около ста фунтов годовых. Кроме этого и жалованья на службе, у него не было ничего, и на такой доход он жил в Лондоне холостяком, наслаждаясь всем, что Лондон может дать человеку с умеренно хорошими средствами, и не мечтал о дорогих удовольствиях — жене, собственном доме или конюшне с лошадьми. Знай Джон Имс, какими благами пользуется Адольфус Кросби, тот показался бы ему сказочным богачом. Его квартира на Маунт-стрит была обставлена со всем изяществом. На три месяца лондонского сезона он брал в аренду очень хорошую лошадь. Он всегда был прекрасно одет и никогда не выглядел разряженным. В своих клубах он держался на равных с людьми, получавшими вдесятеро больший доход. И мистер Кросби был холост. Он знал, что не может жениться на бесприданнице, и не хотел жениться ради денег, поэтому отказался от мысли о семейном счастье. Однако... впрочем, не будем

сейчас излишне глубоко вдаваться в личную жизнь и обстоятельства нашего нового друга Адольфуса Кросби.

После того как Лилиан вынесла ему приговор, девушки некоторое время молчали. Белл, возможно, немного сердилась на сестру. Не так часто она позволяла себе похвалить какого-нибудь джентльмена, и тут, стоило ей сказать о мистере Кросби доброе слово, Лили упрекнула ее в чрезмерной восторженности. Лили что-то рисовала и на минуту-две совершенно позабыла о мистере Кросби, однако Белл чувствовала себя обиженной и вынудила ее вернуться к разговору.

— Мне не нравятся такие выражения, Лили.

— Какие?

— Как ты сейчас называла Бернардова друга.

— А, светский лев. Мне нравятся такие словечки. Если бы я не боялась за твои нервы, то назвала бы его сногшибательным. Очень скучно пользоваться только словами из словаря.

— Я считаю, неделикатно говорить так про джентльмена.

— Правда? Что ж, я бы хотела быть деликатной — если бы знала как.

Если бы знала! Девушке это дается не знанием. Если природа и матушка не вложили в нее деликатности, надеяться ей не на что. Впрочем, на мой взгляд, тут и матушка, и природа потрудились над мисс Лилиан Дейл вполне успешно.

— Мистер Кросби по крайней мере джентльмен и умеет быть любезным. Вот все, что я хотела сказать. Маменька говорила про него гораздо больше меня.

— Мистер Кросби — Аполлон, а я всегда считала Аполлона самым... не буду говорить этого слова, поскольку Аполлон был джентльменом.

В тот самый миг, когда она произносила имя греческого бога, из сада вошел Бернард, а за ним — мистер Кросби.

— Кто говорит про Аполлона? — спросил капитан Дейл.

Обе девушки онемели. Что, если мистер Кросби тоже услышал последние слова бедной Лили? Вот итог безрассудства, в котором Белл вечно упрекала сестру! Однако на самом деле Бернард слышал только слово «Аполлон», а мистер Кросби, вошедший за ним, не слышал вообще ничего.

— «Мелодичней и сладостней, чем люгня Аполлона, чьи струны — волосы с его главы», — продекламировал мистер Кросби, ничего не имея в виду своей цитатой, но видя, что девушки отчего-то смутились и притихли.

— Какую же дурную музыку она производила, — заметила Лили, — если только его волосы разительно не отличались от наших.

— Это были солнечные лучи, — предположил Бернارد.

Однако к тому времени Аполлон уже выполнил свою роль, и девушки приветствовали гостей как положено.

— Маменька в саду, — проговорила Белл с тем лицемерным притворством, которое так часто напускают на себя молоденькие девушки при визите молодых джентльменов — они всегда как будто убеждены, что гостям нужна именно маменька.

— В чепце от солнца, собирает зеленый горошек, — добавила Лили.

— Давайте ей поможем, — предложил мистер Кросби, и все высыпали в сад.

Сады Большого и Малого домов соединяются. Вернее, их разделяют живая лавровая изгородь, широкая канава и железная решетка с острыми наконечниками, но через канаву перекинут пешеходный мостик с незапирающейся калиткой, так что из одного сада всегда можно попасть в другой. И сад Малого дома очень красив. Сам Малый дом стоит совсем близко к дороге, так что между окнами столовой и оградой помещается лишь узкая полоска цветника и дорожка из круглых камешков, фута два шириной, по которой никто, кроме садовника, не ходит. От дороги до дома всего футов пять-шесть, и от ворот к парадной двери ведет крытая галерея. Однако сад с задней стороны дома, куда выходят окна гостиной, в любое время года остается таким уединенным, будто и нет ни деревушки Оллингтон, ни дороги в церковь за ста ярдами лужайки. Церковный шпиль, правда, с лужайки видно за тисами в углу кладбища, примыкающего к ограде миссис Дейл. Впрочем, никто из Дейлов никогда не возражал против вида церковного шпиля. Чем Малый дом по праву может гордиться, так это своими газонами, ровными, гладкими и настолько похожими на бархат, насколько это возможно

для стриженной травы. Лили Дейл, гордясь своей лужайкой, часто заявляла, что перед Большим домом невозможно играть в крокет. Трава там, говорила она, растет пучками, и что бы Хопкинс, садовник, ни делал, там так и останутся кочки. Однако на лужайке Малого дома кочек нет. И поскольку сквайр никогда особенно крокет не любил, воротца и молотки перекочевали в Малый дом, где эта игра сделалась неперменной забавой.

Раз уж я заговорил про сады, упомяну и оранжерею миссис Дейл. Белл твердо считала, что в Большом доме ничто с ней не сравнится — «в том, что касается цветов», поправлялась она, — ибо Большой дом славился своим тепличным виноградом. В этом вопросе сквайр был не так терпим, как в случае крокета, и говорил племяннице, что она ничего не понимает в цветах. «Быть может, и не понимаю, дядя Кристофер, — отвечала она, — и все равно наши герани нравятся мне больше». Ибо в мисс Дейл была толика упрямства — как, впрочем, и во всех Дейлах, независимо от пола и возраста.

Пожалуй, стоит также объяснить, что о газоне и оранжерее, да, собственно, и обо всем саде Малого дома заботился Хопкинс, главный садовник Большого дома, по той причине, что миссис Дейл держать садовника было не по средствам. Единственным слугой-мужчиной у трех дам был паренек, который за десять шиллингов в неделю копал землю, точил ножи и чистил обувь. Однако у Хопкинса, главного оллингтонского садовника, были помощники, и он пекся о лужайке и оранжерее более скромного жилища не меньше, чем о виноградной теплице, персиковых деревьях и террасах главной усадьбы. Малый дом вместе со всей обстановкой принадлежал его хозяину, с чьего разрешения миссис Дейл там жила, не платя за аренду. Хопкинс не жаловал миссис Дейл, считая, что обязан верностью лишь Дейлам по рождению. Обоих барышень садовник любил, хотя по временам нещадно третировал. С миссис Дейл он был холодно вежлив и все ее сколько-нибудь серьезные указания по поводу сада перепроверял у сквайра.

Все это поможет понять, на каких условиях миссис Дейл жила в Малом доме, что так или иначе требовалось разъяснить. Ее муж был младшим из трех братьев и во многих отношениях самым талантливым. Молодые годы его прошли в Лондоне, где

ЭНТОНИ ТРОЛЛОП
БАРСЕТШИРСКИЕ ХРОНИКИ
ОЛЛИНГТОНСКИЙ МАЛЫЙ ДОМ

Ответственный редактор Александр Гузман
Редактор Майя Лахути
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Мария Антипова
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Ирина Игнатьева, Наталья Бобкова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 16.03.2026.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 41,16. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-BRM-37769-01-R